

Глава о Никто

Когда я пришла в себя, надо мной чернело звездное небо. Сначала мне показалось, что звезды — совсем близко, и я протянула руку, чтобы их коснуться. Ничего не вышло, зато я обнаружила, что пальцы перед лицом расплываются и дробятся.

Некоторое время я продолжала бездумно лежать, слушая рокот волн и жадные крики птиц, чувствуя прикосновения ветра, жесткость гальки под спиной — и запахи. Десятки, сотни запахов. С непривычки это сбивало с толку. Морская соль, гниющие водоросли, остывающий от дневного солнца песок, камни, дым, хвоя, кора, цветущие кусты — я не могла вспомнить, как именно они называются.

Я бы лежала так и дольше, но стало холодно. Пришлось осторожно, медленно подняться — руки и ноги не слушались, тряслись мелкой дрожью, и меня слегка знобило — может, от лежания на камнях. Я понятия не имела, как долго пробыла на побережье.

Кругом был мрак: черное небо над головой, черное море за спиной, черный лес впереди. Ничего похожего на человеческое жилье — ни дыма над одинокой хижинкой, ни отдаленного шума приморского города, ни света маяка.

Необходимо было найти хоть кого-то, чтобы попросить помощи, чтобы рассказать... о чем?

Я тщательно осмотрела себя. Длинные светлые волосы — в темноте они казались совсем белыми. Очень бледная кожа — я могла различить прожилки вен на внутренней стороне запястья. Худоба — впалый живот, выпирающие ключицы. Маленькая грудь. Внутреннее чутье, повинувшись которому я думала о себе в женском роде, не подвело: я определенно была женщиной, но, судя по всему, очень молодой. Девушкой. Возможно, почти девочкой.

Высокой или низкой? Не с кем было сравнить.

Одета я оказалась в простые штаны теплого кирпичного цвета и такую же рубашку с завязками на груди. На ногах — веревочные сандалии; неудивительно, что пальцы совсем заледнели.

Я сделала несколько неуверенных шагов в сторону леса и заметила большую белую птицу, которая сидела на древней серой коряге, торчавшей из песка. Через несколько мгновений в голове всплыло — «чайка».

Чайка смотрела мрачно, и в ее крепком желтом клюве мне почудилась угроза. Я почувствовала запах птицы — тяжелый, резкий, неприятный. К нему примешивался душок тухлой рыбы.

— Я тебе зла не желаю, — сказала я и впервые услышала свой голос — гортанный, высокий. На чайку он не произвел никакого впечатления — она только склонила голову набок и быстро моргнула.

— Пойду к лесу, — сообщила я чайке, чтобы наверняка убедить ее в своей безобидности. — Может, найду других... — я не-

сколько секунд потратила на то, чтобы вспомнить, как назывались «другие», — людей. Не то чтобы мне не нравятся чайки... Но вряд ли у тебя найдется еда?

И тут же — вспомнив о существовании еды — я почувствовала, что голодна.

Чайка ничего не ответила. Конечно, я помнила, что птицы не умеют говорить, и все-таки теперь одиночество ощущалось еще острее.

— Позволь представиться, — сказала я, решив, что, если пошучу — пусть даже никто, кроме чайки, не услышит, — мне станет легче. — Меня зовут...

И тут я поняла, что не помню своего имени... Как и многого другого. И если названия всего, что я видела вокруг, постепенно всплывали в памяти, то собственное имя оставалось чернеющим провалом.

— Я сейчас вспомню, — заявила я чайке. — Только...

— Не старайся. — У меня за спиной хрустнула ветка, и чайка тут же подпрыгнула, тяжело взмахнула крыльями и полетела в сторону моря.

Я обернулась. Человек, стоявший у меня за плечом, появился будто из ниоткуда. Его одежда выглядела еще хуже, чем моя: серый балахон весь в прорехах и потертостях. Из-под него торчали босые ноги — видно, морская прохлада была ему нипочем. В сумке через плечо, судя по запаху, лежали сухие водоросли.

Я смутно помнила, что люди должны выглядеть иначе. У них не должно быть таких кроличьи-алых глаз, белоснежных волос, прозрачной кожи. И с чертами лица было как будто что-то не так: они ускользали от взгляда, казались слишком тонкими, слишком простыми... Впечатление создавалось такое, словно, лепя это лицо, кто-то руководствовался самыми нейтральными представлениями о том, как должен выглядеть человек. Это делало стоявшего передо мной мужчину не уродливым,

а скорее... безликим. Ни родинок, ни шрамов; в лице — идеальная симметрия. И рот, и нос, и глаза, обрамленные белыми ресницами, с белыми тонкими бровями над ними — все усредненное, никакое.

— Здравствуйте, — пробормотала я, делая маленький шаг назад. В конце концов, я не могла знать, чего ожидать от этого человека. — Как вас зовут?

Человек нахмурился:

— Ты, видно, только пришла в себя, так, что ли, да?

Я неуверенно кивнула.

— Вот уж повезло так повезло, — пробормотал он. — Удивительное совпадение. Ладно... Можешь звать меня Никто. Неплохое имя, а? Тебе придется придумать себе другое. Это занято. Я сам его выдумал.

— О, — осторожно отозвалась я. — Понятно. Хорошо. — Я подумала, что у Никто определенно не все дома, — впрочем, сейчас и я была немного не в себе.

Но он мог помочь мне. Может быть, даже знал, что именно со мной произошло — и кто я такая.

— Что ж, — сказал он, поправляя сумку, — идем со мной, раз так. Пустышки должны помогать друг другу, а? Но только если от тебя не будет проблем, — вдруг добавил он. Вид у него стал обеспокоенным, а голос зазвучал почти умоляюще. — Ведь не будет, а?

— Нет-нет. Конечно не будет.

— Вот и хорошо. — Никто впервые улыбнулся, отчего лицо его стало еще более странным, а потом поманил меня за собой. — Тогда пошли.

И я побрела за ним в сторону леса. Некоторое время мы шли плечом к плечу, но потом узкая тропинка, петлявшая среди тощих сосен, вынудила меня пойти за ним следом. Двоим здесь было не разойтись. Может, кроме Никто, здесь никто и не ходил?

Мы шли, должно быть, с четверть часа — я вспомнила, что кроме часов бывают секунды, минуты и дни, — а потом свернули за невысокий кустарник, скрывающий еще одну тропу, уже прежней.

Никто начал напевать — я вздрогнула от неожиданности. В его песенке не было слов, только мотив, и он тянул его на одной высокой, тоскливой ноте. Было в этом что-то безнадежное, тревожное. Я старалась не слушать.

В общем, мне было на что отвлечься. Вот бурая птичка — листвянка. Темно-синий лоскуток, плавно спикировавший откуда-то сверху и растворившийся во мраке, — летучая мышь. Длинное черное создание, мелькнувшее в траве, — змея. Я успела почувствовать ее запах — отвратительный, как и она сама, — и содрогнулась.

— Зловонные создания, — сказал Никто, не оборачиваясь, — эти змеи, да?

Ступая на несколько шагов впереди меня, бубня свой монотонный мотив, он почувствовал запах змеи в траве — или услышал шуршание — и безошибочно определил его источник?

— Кто вы такой?

Он погрозил мне пальцем через плечо:

— Не так быстро, маленькая пустая. Не все сразу! Любопытство! Любопытство! Любопытство еще никого не довело до добра, что бы там ни твердили служители Отпустившего.

Я сразу почувствовала, что, если бы Никто решил записать свои слова, «Отпустивший» был бы написан с заглавной буквы...

И тут же я вспомнила о буквах. Я определенно умела писать и читать, но, как ни силилась, пока не смогла бы назвать ни одной прочитанной книги. Будто устав от усилий, заболела голова.

Как-то внезапно из-за кустов на нас выпрыгнула хижина. Невысокая и покосившаяся на один бок, с глиняными стенами, увитыми ползучими растениями, которые почти полностью

скрывали ее от посторонних глаз, с выдавшей виды соломенной крышей и темным остовом того, что когда-то было изгородью. Я заметила, что к паре опиравшихся друг на друга досок привязан пучок пятнистых перьев и тонких птичьих косточек.

— Что это?

— Ох уж это любопытство... — снова пробормотал Никто. — Это оберег. Я собрал его сам. С ним меня не найдут, не найдут... Повезло тебе, маленькая пустая, очень повезло... Ну, хватит глазеть и стоять на пороге. Заходи.

Вслед за ним я пересекла заваленный хламом двор и зашла в хижину. По сравнению с Никто я была очень невысокой, но даже мне пришлось пригнуться, чтобы войти.

Внутри было еще хуже, чем снаружи. Каменная кособокая печь, темный дым от которой стлался по полу, стены, закопченные до черноты, грязный пол. В одном углу — куча тряпок, служившая постелью. В другом — деревянный стол, заваленный одеждой и утварью вперемешку, и ящик, который Никто, видимо, использовал вместо табурета.

Пахло тут ужасно.

— Давненько я не прибирался, — усмехнулся Никто, бочком, как краб, пробираясь к столу. — Зато у меня есть еда. Настоящий хлеб. Я добыл его, целую краюху, и теперь осталось мало — но я дам тебе кусочек, маленькая пустая, если ты расскажешь мне все, что помнишь. Видишь, я тоже могу быть любопытным, да-да, могу...

Он дал мне каменную на ощупь краюшку и поставил на угли в очаге котелок с вмятиной на боку, куда бросил пучок сухих трав. Уже через минуту в лачуге стало пахнуть лучше.

— Отвар согреет тебя. А пока можешь взять плед, закутаться и сесть поближе к очагу...

Мне не хотелось показаться неблагодарной, поэтому я стянула с ложа нечто грязное и местами дырявое и, накинув этот

«плед» на плечи, уселась прямо на пол — ящик занял Никто, а больше ничего похожего на стулья в хижине не было. От очага ко мне текли тепло и запах трав, и, не без труда вонзив зубы в краюшку, я почувствовала себя почти счастливой. Хлеб оказался невероятно вкусным — я долго перекачивала каждый кусочек во рту, прежде чем разжевать и проглотить.

— Я ничего не помню. Открыла глаза — а я лежу на берегу, на камнях... Пошла в сторону леса. Думала найти людей. А потом встретила вас.

Никто разочарованно вздохнул:

— Так я и думал, но все равно надеялся на историю поинтереснее. Думаешь, часто мне выпадает такая возможность, маленькая пустая?

— Почему вы все время называете меня пустой? — спросила я наконец, прикончив хлеб. — Мне это не нравится.

— А кому бы понравилось? — Никто пожал плечами. — Но придется привыкать. — Он поднялся со своего ящика и принялся рыться в горе хлама на столе, приговаривая: «Сейчас... Где-то оно точно было... Да-да», пока что-то под его пальцами ломалось, хрустело, шуршало и шелестело.

— Ага! Вот оно, наконец!

Я рефлексивно отшатнулась, увидев, что в его руке блестит что-то острое, и Никто хихикнул.

— Не бойся. Это просто зер-ка-ло, видишь? Зеркало. Чтобы смотреть на себя.

Треугольный осколок и впрямь немудрено было принять за оружие. Я осторожно приняла его из рук Никто и взглянула на себя.

Мои волосы не казались белыми — они действительно были такими. Белыми были и кожа, и брови, и ресницы. Даже губы — они лишь немного розовели. Глаза были не ярко-алыми, как у Никто, скорее темно-бордовыми, как спелые черешни, — и все

равно смотрелось это жутко, неестественно, отталкивающе. Черты моего лица были такими же неправдоподобно-симметричными, как и у хозяина хижины.

Я не помнила, как выглядела до того, как очутилась на берегу... Но точно не так. Не так!

— Что это? — прошептала я, едва ворочая языком. — Что?..

Никто вытащил осколок зеркала из моих ослабевших пальцев и вложил в руки жестяную кружку, над которой поднимался душистый пар.

— Вот, выпей. Выпей-выпей, все равно уже ничего не сделаешь, а так хоть согреешься и душу отведешь...

Я машинально и покорно сделала глоток — и почувствовала, как почти сразу же отвар Никто начал дурманить голову. Меня потянуло в сон, а увиденное в зеркале перестало казаться таким уж страшным. Огонь в очаге разгорелся ярче, от него шел жар. Я сделала еще глоток и расслабилась, позволяя теплу растекаться по жилам. Завороженно я изучала собственную руку — яркую карту вен на белоснежном запястье.

— Спи тут, у очага, — сказал Никто, и его голос донесся до меня издалека, как сквозь подушку. — Да-да, спи до утра, раз уж так вышло, маленькая пустая. От одной ночи проблем быть не должно, ведь так? Мне проблемы не нужны, не нужны... Да-да...

Я с трудом сделала еще один глоток и отставила чашку в сторону. Пол был твердым, но теплым и сухим. Никто снова затащил свою бессловесную песню. Я уснула.

* * *

Никто был осторожен — и, уж конечно, подбирая меня на том пустынном берегу, не планировал пускать под свой кров надолго. Судя по диковатому виду, он уже очень давно жил один.

Много раз он повторял, как важно сторониться людей, — но, думаю, в конечном счете устал от одиночества.

Как и я, он ничего не помнил о прошлом. Сам он пришел в себя в подвале городского дома и почти сразу столкнулся с людьми. Эта встреча и дальнейшее пребывание в городе, о котором он толком не рассказывал, раз и навсегда отбили у него желание продолжать водить с ними знакомство.

— Они ненавидят нас! — говорил Никто, уча меня ставить силки в лесу или вязать сетки для ловли морской рыбы. — Ненавидят всех пустых — безо всякой причины, да-да! Только за то, какие мы есть. Все из-за надмагии... Когда я вылез из того подвала и подошел к первому же попавшемуся...

Я быстро усвоила, что за этим предисловием всегда следует невеселая история о криках, оскорблениях и камнях, один из которых угодил Никто в голову. Неизвестно, тронулся ли он умом именно тогда или это случилось раньше — когда он стал пустым.

Несмотря на недуг, он многое умел, и умел хорошо: ловить рыбу и охотиться, ставить ловушки и прятаться в лесу, сушить травы и делать из них мази и порошки, большая часть которых пылилась потом в пузырьках на столе среди хлама. Но не раз мне пришлось убедиться в их эффективности.

Всему этому Никто начал учить меня уже через пару недель — видимо, смирился, что я здесь надолго. Вместе мы добывали еду и бесконечно чинили хижину, которая, казалось, могла развалиться от порыва ветра. Никто не сам построил ее — нашел заброшенной и поселился здесь, не дождавшись хозяев. Кто жил в ней прежде, он не знал, но предполагал, что это был одинокий отшельник, поклонявшийся Отпустившему богу без посредничества храмовых служителей. К такому выводу Никто пришел, обнаружив за печью целую стопку религиозных изданий — и Крылатую книгу, и многочисленные истории о чудесах Отпустившего, и собрания молитв и подробнейших руководств по проведению ритуалов.

— Не читай эту чушь, — бормотал он, опасливо косясь на меня каждый раз, когда видел с книгой. — Надо было сжечь все это давным-давно, да-да-да...

Думаю, несмотря на презрение к служителям культа, сжечь книги Никто попросту побоялся.

Я читала их все, а Крылатую книгу — даже несколько раз, потому что ничего другого у Никто не было — а мне ужасно понравилось читать, хотя я понятия не имела, любила ли это раньше. Кроме того, мне хотелось дополнить свои представления об устройстве мира — за пределами нашего леса. Рассказов Никто не всегда было достаточно — он отвечал на мои вопросы редко и неохотно.

Тем не менее от него я узнала, что страна, в которой мы находимся, называется Бирентией. Имени здешнего правителя Никто не помнил или не знал, но говорил, что за него частенько принимает решения некий Слепой Судья, наделенный огромной властью, и что возвысился он после большой войны, которая долгие годы шла между Бирентией и соседней страной, Артой. Из-за чего конкретно началась война, Никто объяснить не сумел, но упомянул надмагов, умеющих взывать к силам, заключенным в природе, и ставить их себе на службу. Надмагов в Арте любили, а в Бирентии нет, и это стало одним из поводов для затяжного конфликта. Звучало дико и подозрительно — с другой стороны, некоторые истории в Крылатой книге были не лучше.

— Не любят здесь надмагов неспроста, — говорил Никто, назидательно поднимая палец. — На какие только злодеяния они не способны... Ведь и пустых — вот таких, как мы, — тоже делают надмаги. После войны их было очень много, но одних убили, другие умерли сами. Здоровье у таких, как мы, слабое, да-да... Поэтому учись, учись, маленькая пустая. Травы и корешки — да-да — могут спасти тебе жизнь.

— Как это «делают»?

— А? — Если я перебивала его, Никто замирал, растерянно хлопая глазами, и долго не мог поймать ускользнувшую мысль.

— Ты сказал, что пустых «делают» надмаги. Как это?

— А! — Его помутневший взгляд прояснился, и он радостно улыбнулся. — Страшные проклятия. Чтобы их делать, нужен материал — люди... Из отработанного материала пустые и получают. Долго не живут, болеют... Но некоторым везет. Например, нам с тобой повезло.

— У меня от солнца глаза режет, — пожаловалась я. — И кожа как будто зудит и чешется...

Никто только рукой махнул:

— Все это мелочи. Бывает куда хуже. Если ты не кашляешь кровью и кости у тебя не ломаются от каждого движения, считай, повезло, да-да. Ты выглядишь совсем здоровой — если будешь осторожна, можешь прожить лет пятьдесят. Почти как человек... Дольше наши живут редко — но вдруг тебе повезет? Дольше — редко, да-да... Я слышал от другого... Тоже пустого. Встретил его до того, как прийти сюда.

— Расскажи мне о нем. — Но Никто потряс головой и надолго умолк.

Как-то, когда мы вместе чинили сети на берегу, я спросила Никто о запахах:

— Другие люди чувствуют их так же, как я? Запахи земли, реки, змей... Так же остро и сразу все?

— Нет. Надмагия многое забирает у пустых, но кое-что отдает взамен, да... Думаешь, можешь чують только запахи травок и грязи, а? Ты можешь чують страх. Боль. Надмагию. Только нужно научиться отличать их друг от друга. Пустые на солнце щурятся, но во мраке и во втором слое видят больше, чем люди. Это все потому, что в нас остались следы надмагии.

— Во втором слое?

— Я это придумал, — с заметной гордостью отозвался Никто. — Если знать, как смотреть, можно увидеть больше. На это способна кошка или черная кобыла. Люди — нет. Они живут только в первом слое, да-да... Видят мало. Глупые. Плохие... — Лицо его исказилось, как от сильной боли, и я поспешила перевести разговор на другую тему.

— Как смотреть? Ты расскажешь мне?

Никто хитро заулыбался. Он любил, когда я его упрасивала, но в этот раз ответил почти сразу.

Отложив в сторону сеть, он долго рылся в бездонных карманах мешковатых брюк, пока наконец не извлек осколок синего стекла.

— Вот, — торжественно произнес он, вручая мне стекло. — Смотри сквозь него. Синий цвет помогает нашим глазам... Делает скрытое явным.

— И все? Так просто? — Я осторожно взяла стеклышко и посмотрела сквозь него на море. Темные, тревожные волны потемнели еще сильнее, но в целом все осталось как прежде. Я перевела взгляд на лес. Скрюченные ветки, лоскуты мха, мокрая полоса песчаного пологого пляжа...

— Я ничего не вижу.

— А это потому, что там ничего и нет. — Никто вернулся к сетям, резко потеряв к разговору всякий интерес. — Ну, хватит. Бери сети, маленькая пустая. Рыба сама в котелок не прыгнет.

— Не называй меня маленькой пустой.

— Тогда придумай себе имя, маленькая пустая. — Никто хихикнул. — Никтошка? Пустышка? Безымянная девчонка?

— Я найду себе имя получше, — пробормотала я. Синее стеклышко разочаровало меня, и насмешки Никто окончательно испортили настроение. — Например, в Крылатой книге.

— Все еще читаешь ее? Надо было давно выбросить эту мерзость. Да-да, выбросить!

Я не разделяла негодование Никто.

Мне нравилась Крылатая книга, ее пожелтевшие ломкие страницы с причудливыми картинками, странные истории, которые не всегда были мне понятны, но завораживали.

Я нашла уютное местечко для чтения — у берега моря, на небольшом, но крутом обрыве, в гнезде из корней сосны, высоких и суставчатых, как ноги гигантского насекомого... Как будто сосна пыталась вылезти из земли и убежать прочь. Солнце нагревало песок под ней, а небо над золотистым прямым стволом было особенно высоким и синим. Вдыхая запахи хвои, тепла и соли, я уходила в чтение с головой. В такие моменты я чувствовала себя почти счастливой и мне казалось, что, возможно, именно так и стоит прожить отпущенный мне срок — вдали от шума внешнего мира, вместе с Никто, который, несмотря на ворчание, полюбил меня, я знала.

Крылатая книга повествовала о том, как давным-давно некий бог решил больше не опекать людей — и по своей воле выпустил их из прекрасного сада, на который была похожа жизнь под его защитой. Этому пытался помешать его противник, другой бог по имени Гневный, но Отпустивший его одолел. Тогда, подарив людям свободу воли и выбора, он и стал Отпустившим — раньше его, выходит, звали иначе, но в книге не говорилось, как именно. Со временем он предоставил людям их собственной судьбе.

Я читала истории о прекрасной Ленне, которая первой подарила людям науку. Сам Отпустивший бог выбрал ее и учил вместе с другими десятью последователями.

Читала о том, как его ученики строили города, воздвигали храмы в его честь, учили и лечили, изобретали и создавали — пока наконец Отпустивший не счел, что дальше люди справятся и без него.

Многие истории в Крылатой книге рассказывали о надмагах — о том, как своим умением говорить с природой и использовать

ее силу они оскорбили все, что было свято для последователей Отпустившего. Их силы не имели отношения к науке, не управлялись разумом — и, может, оттого так часто выходили из-под контроля и несли миру разрушение и смерть.

Я читала о страшных эпидемиях и катастрофах, устроенных ими, и все острее ощущала собственную маленькую катастрофу — все сильнее злилась на то, что они сделали со мной.

В честь угодной Отпустившему Ленны я взяла свое первое имя — первое, но далеко не последнее. Правда, тогда я не могла об этом знать. Читая странные сказки Крылатой книги, прижимаясь к нагретой солнцем сосновой коре, я мало думала о будущем, как будто само собой разумелось, что у меня его нет — так же, как и прошлого. До поры до времени меня не беспокоило ни то ни другое. Я жила в настоящем моменте, но по крупичкам вытягивала из Никто все, что могла, о мире за пределами нашего леса и побережья, и рано или поздно это должно было дать свои плоды.

Однажды вечером, когда я сидела с книгой у очага, а Никто растирал плоды сливнянки в ступке у стола, я наконец осмелилась спросить:

— Ты никогда не хотел пойти туда, за лес, увидеть людей еще раз? Попробовать поговорить с ними?

Его лицо вытянулось, и я поспешила уточнить:

— Я бы попыталась выяснить, кто я и почему стала пустой. Может, тем, кто живет здесь, рядом, что-то об этом известно, а? — В глубине души я надеялась, что кто-нибудь узнает меня, несмотря на то, как сильно исказила мои черты надмагия.

— Ничего они не знают! — сказал Никто непривычно грубо, а потом затараторил: — Нечего и думать об этом, нечего, нечего! Хочешь, чтобы Никто остался один опять? Хочешь избавиться от него, а? Или привести их сюда, чтобы они тут все разрушили, разломали? Украли все наши травы или... — Голова у него

затряслась, и он принялся усиленно тереть над правым ухом, в том самом месте, куда угодил когда-то камень.

— Нет, нет! Я ничего такого не хочу, честно... Я только думала ненадолго сходить туда, чтобы посмотреть, нельзя ли...

И тут он вдруг заплакал — слезы закапали прямо в ступку, белые волосы упали на лоб. Никто закрыл лицо руками — и я почувствовала себя так, будто умираю. Это был первый раз, когда мне стало так больно за другого и так стыдно — за себя, ведь это я заставила его плакать.

Я не знала, как его успокоить, но на одной из картинок в Крылатой книге Ленна обнимала бедную старушку, потерявшую дом из-за наводнения. Я поступила так же — подошла к Никто, обняла его и стала утешать. Он него пахло немытым телом, травами, страхом и горем — теперь я знала, каков их аромат, — и я говорила, что не пойду ни за лес, ни дальше по побережью. Не оставлю его одного.

В конце концов он успокоился и повеселел. Тогда я не вернулась к книге: весь вечер Никто посвящал меня в секреты трав, а потом мы легли спать. К тому времени у меня уже имелась собственная лежанка. Никто щедро поделился тряпьем, и спать было тепло и уютно.

После этого я долго не решалась повторить попытку, хотя не перестала тайком думать о том, как его убедить. Мечтая о походе в город, я представляла высокую красивую женщину, похожую на Ленну с самой красивой картинки, которая находила меня и заключала в объятия. У всех героев Крылатой книги были матери — они всегда спасали своих детей, защищали, жалели и любили. Одна из них, Ллаила, узнала своего заколдованного сына, превращенного жестоким надмагом в свинью, из сотни других.

Если моя мать была жива, она не могла не вспомнить меня, и именно о таком чуде я мечтала чаще всего. Несколько раз это

мне даже снилось. В моих снах мать выглядела по-разному — но мне было одинаково грустно просыпаться.

Шло время. С деревьев облетели листья; похолодало. Мы с Никто с утра до вечера готовились к зиме, и мне стало не до мыслей о матери и городе, будущем и прошлом. Целыми днями я запасала хворост и ставила силки, ловила рыбу и обрабатывала шкуры, утепляла стены хижины и чинила одежду, рубила корешки и варила настойки. Никто научил меня всему — если бы не он, я бы не пережила ту зиму.

Когда выпал первый снег, мы вернулись к разговору о чудесных свойствах синего стекла. Понюхав воздух недалеко от древних каменных плит, поросших мхом, Никто поманил меня к себе и протянул стеклышко:

— Здесь, может, и увидишь что интересное, пустая Ленна.

Я приложила стекло к глазам и чуть не выронила его от неожиданности. Передо мной, облокотившись на каменную плиту, стояла высокая темноволосая девушка, бесплотная, полупрозрачная. Там, где следовало быть ногам, клубился туман. Девушка смотрела сквозь меня и лес — на что-то, что мне не дано было разглядеть даже через синее стекло.

— Кто это? — прошептала я.

— Призрак. — Никто осторожно убрал собственное стеклышко в карман. — Они безопасны... Чаше всего. Если не накопить их кровью, так точно. Всего про них я не знаю. Но знаю, что... как и мы, они — след надмагии.

— Они тоже не помнят себя?

— Это мне неизвестно. Но думаю, что они постоянно живут во втором слое, да... И сдается мне, что там, во втором слое, они помнят себя куда меньше, чем мы — здесь.

Я не знала, позавидовать призрачной девушке или посочувствовать. Никто быстро потерял к ней интерес и продолжил проверять наши ловушки, а я еще долго стояла, держа синее

стекло в дрожащих от холода пальцах, пока призрак не растаял в воздухе.

В тот же вечер Никто рассказал мне, какие травы могут изгнать призрака, а еще как выглядят следы надмагии через синее стекло.

Холода крепчали, а снег перестал таять. Иногда по утрам в нашей хижине было так холодно, что вода в кадке для питья и умывания схватывалась тонкой корочкой льда. Я не могла заставить себя вылезти из-под горы тряпья, и Никто приходилось подолгу будить меня.

— Давай, пустая Ленна, вставай. Хочешь, чтобы Никто один все делал сегодня? Не выйдет! Нет-нет!

Однажды я промочила ноги и заболела. У меня был сильный жар, а голова казалась налитой железом. В тот день Никто не стал говорить: «Давай, пустая Ленна, вставай!» Сквозь тяжелую болезненную дрему я слышала, как он ахал, охал и суетился вокруг, подбрасывая драгоценный хворост в очаг и подтаскивая мою лежанку поближе к огню. Он поил меня отварами и вытирал лоб, заставляя меня пить, пить, пить и укутывал во все тряпье, что было в доме, чтобы вместе с потом вышла болезнь. Я не думала, что выкарабкаюсь, но Никто был уверен, что я смогу, и под его «да-да-да» я пошла на поправку. После этого еще целую неделю я не могла делать ничего полезного, но Никто и слова не говорил мне в укор — только приносил к лежаку еду и отвары да уносил пустую посуду. Даже положил рядом книги, включая Крылатую, — так был рад, что я поправилась.

Но именно тогда, в неделю слабости и безделья, я поняла, что мысли о встрече с людьми вернулись и не желают оставлять меня в покое.

* * *

Мысли эти отравляли мою жизнь — и, когда однажды я увидела в лесу людей, стало только хуже.

Тогда я не решилась им показаться, но бесшумно, как учил Никто, следовала за ними. Мужчина и женщина были одеты бедно — а может, намеренно выбрали что попроще для прогулок в лесу. Мужчина нес объемистую корзину, женщина — корзину поменьше. Оба были вооружены короткими ножами и трубчатыми палочками. Никто тоже использовал такие, чтобы отличать ядовитые грибы от съедобных.

Грибники явно чувствовали себя не в своей тарелке, забравшись так далеко в лес. Вздрагивали от каждого шороха и треска, нервно перешучивались, с деланной беззаботностью смеялись... Но даже из своего укрытия в кустах я чуяла их страх.

Я подошла настолько близко, насколько могла, не рискуя быть замеченной, и услышала обрывок разговора.

— ...Храм новый, а хлеб привозят через раз. Вот тебе и вся забота правителя.

— Говорят, все этот Слепой Судья, который засел, как змеюка на горе золота, в Уондерсминне. Вроде как он очень набожный, а правитель во всем на него полагается... Ну и вот... О, дымовик! Рядом должны быть еще.

— Ты в это веришь?

— А то. Бабка мне рассказывала, что дымовики всегда растут толпой...

— Да я не про дымовики, Арн, не придуривайся... А про Судью.

— Судью-то? Кто его знает. Одно тебе скажу: ни за что не поверю в набожность тех, кто наверху засел... Если человек к власти сумел пробиться, он ничего просто так не делает. Даже кошку погладит с умыслом... О! Еще один! Что я говорил?

Беседуя, они снова углубились в лес — туда, откуда пришли. Я следовала за ними до опушки — дальше не осмелилась.

И вот что странно: Арн и его спутница не говорили ни о чем особенно интересном — но желание пойти за ними, окликнуть,

завести разговор было мучительным, как сильная жажда или физическая боль.

Мне нужны были люди — даже если Никто был прав и ни один из них не мог мне помочь.

Я не могла вспомнить ни единого города, но, что такое город вообще, помнила хорошо: тени повозок, механических или запряженных лошадьми, витали в моей памяти, а над ними нависали высокие дома с покатыми крышами и вывесками... Написанное на вывесках было не разобрать. И повсюду люди: молодые, старые, высокие, низкие, толстые, худые, мужчины, женщины... Когда-то я была одной из них, своей, частью целого, и мне не хотелось мириться с тем, что этому пришел конец.

Я предприняла еще одну попытку за праздничным ужином — мы с Никто торжественно встречали приход весны, угощаясь вяленой олениной и грибами. Оленина была редким гостем на нашем столе: за полгода нам удалось добыть оленя только дважды. Никто уверял, что до моего появления ему везло на охоте больше, но я подозревала, что он, как случалось частенько, хвастает.

— Никто, — сказала я очень осторожно, — ты ведь ходил туда, за лес, верно? Ходил?

Спрашивала я только для вида — ответ был мне известен. Несколько раз Никто пропадал надолго, а потом возвращался с вещами, которые никак нельзя было раздобыть в лесу. Один раз он неохотно подтвердил, что ворует, но делает это очень осторожно и только тогда, когда никого из людей нет поблизости.

— Ну, ну... — пробормотал он с набитым ртом, и я, ободренная успехом, продолжила:

— И что там? Деревня? Или большой город? Тот, где ты был однажды? Ты видел людей? Или...

Нетерпеливость сыграла со мной злую шутку — Никто с досадой швырнул нож на стол, рыча, как лисица.

— Опять ты за свое, маленькая пустая! — Когда Никто злился, он наотрез отказывался называть меня Ленной. — Я ведь велел, велел, велел тебе даже не думать об этом! Никто предупреждал тебя, что ничего хорошего люди нам не сделают, но ты, да-да, ты... — Он вдруг резко ткнул ножом в сторону двери. — Иди. Иди сейчас! Но не вздумай возвращаться! Я знал, знал, что не следует впускать тебя, что добром это не кончится, и вот... Я ведь знал! — Голос его дрожал, и он с силой тер голову. Пахло от него болью.

Я успокаивала Никто и просила прощения, но это не помогало. Он только качался из стороны в сторону, и выл, и причитал, и то прогонял меня, то называл «пустой Ленной», и в конце концов случилось то, чего никогда прежде не случалось: я вышла из себя.

— Ах так! — крикнула я, вскакивая с ящика так, что он заскрипел, как сосны на ветру. — Ну и ладно! Хватит с меня! Хватит с меня этой хижины, этого леса, всего этого! Хватит с меня тебя! — Кричать и плакать открыто оказалось таким наслаждением, что я почти не соображала, что говорю.

Никто смотрел на меня, нелепо разинув рот, и его подбородок трясся, будто он снова собирался расплакаться.

— Я устала подбирать слова, устала тебя упрашивать! Может, там, за лесом, меня ждет мама! Может, она узнает меня, как в той сказке... Может, эти люди знают чего-то, чего ты не знаешь. Может, они помогут мне и я... я перестану быть пустой! Стану снова нормальной, обычной... Как все! — Такая мысль впервые пришла мне в голову, но я тут же осознала, что больше всего на свете хочу именно этого.

Никто затрясло сильнее прежнего, но плакать он не стал — наоборот, вдруг захихикал, закачался, как в припадке:

— Вот что ты придумала, маленькая пустая? Вот что? Думаешь, бывает как в сказках, да? Да-да-да! Я скажу тебе, как будет! Ты — пустая! Тебя не узнает даже родная мать, если и увидит, да-да! Они тебе не помогут, они ничего не изменят! Никто желал тебе только добра, всегда только добра, и вот чем ты платишь! Я знал, знал, что, если впустить кого-то, это принесет одни только беды! Горе, горе и беды!

Теперь трясло и меня — и мы замерли друг напротив друга, дрожа, как от холода, хотя сквозь окна хижину заливало яркое весеннее солнце, а в очаге весело, наперекор всему, трещал хворост.

— Я только хочу попытаться, — наконец сказала я, и мой голос прозвучал в наступившей тишине жалко, просительно. — Только попытаться... И если ты прав...

Но Никто больше не желал меня слушать. Я пыталась обнимать его, но он отбрасывал мои руки. Пыталась говорить — затыкал уши. То отворачивался от меня, качался, тер голову, то вдруг начинал жаловаться, глядя в никуда, на мою неблагодарность...

В конце концов я почувствовала, что больше не могу это выносить. Я уже не думала о том, чтобы идти в город, — мне просто хотелось уйти куда глаза глядят, лишь бы все это прекратилось.

На подгибающихся ногах я вышла из хижины и пошла в глубь леса. С собой я не взяла ничего, и очень скоро мне захотелось пить — давала знать о себе оленина, — но возвращаться казалось как-то глупо, хотя мой гнев на Никто уже иссяк.

Сама не заметив как, я добралась до опушки — дальше я никогда прежде не заходила. Мои ноги промокли, в волосы набились веточки и жуки, пробудившиеся после зимы.

Перед тем как продолжить путь, я тщательно извлекла все это и заплела волосы в косу. Хорошо, что по случаю праздника весны я надела все лучшее — те самые штаны и рубаху, которые были на мне, когда Никто нашел меня на берегу. Обвязки поверх

старых сандалий смотрелись, может, и не слишком хорошо, зато я перевила их зелеными лентами с глиняными бусинками. На шее у меня болтались бусы, которые Никто смастерил для меня из полых разноцветных камешков и сушеных ягод, мух в янтаре и ярких птичьих перьев.

Сделав глубокий вдох, я двинулась вперед. Судя по солнцу, перевалило за полдень, и пригревать стало сильнее.

— Здравствуйте, — прошептала я себе под нос, — меня зовут... Меня зовут Ленна. Я очнулась недалеко отсюда, на побережье... — Тут я осеклась, решив, что Никто бы это точно не одобрил, и исправилась: — Очнулась недалеко отсюда. Это было чуть больше полугода назад... — Я помедлила, считая на пальцах, но после решила, что это не слишком важно. — Я знаю, что таких, как я, здесь не любят, но, поверьте, я не желаю вам зла, я только хочу узнать, не могли бы вы мне помочь...

Я шепотом повторяла свою речь, раз за разом, на все лады, ища те самые, правильные слова.

Лес светлел. Мне начали попадаться чистые, приятно пахнущие срубы пней, поваленные стволы, очищенные от коры и веток. Здесь прошли лесорубы. Чуть дальше я наткнулась на хижину — куда более чистую и красивую, чем домишко Никто. Судя по запаху, внутри никого не было, но я все равно не решилась зайти внутрь.

Лес поредел, и мне стало не по себе, хотя небо было яркосиним, а солнце светило вовсю. До сих пор я не видела поле, но сразу узнала его. Возможно, в прежней жизни я любила поля?

Мне захотелось представить это место летом: яркие цветы, запахи разнотравья, и всюду жизнь — жужжат пчелы, деловито бегают туда-сюда хомяки и мыши...

Я моргнула. Не время было мечтать о настоящем лете, которое я толком не застала, — когда Никто нашел меня, оно было уже на излете.

Поле оказалось шире, чем я думала, — мне здорово напекло голову, пока я пересекала его, и открытая кожа противно зудела. Я старалась не смотреть вверх — солнце полосовало глаза, как ножом.

И вот наконец я увидела настоящие дома — с двумя, а то и тремя этажами, с покатыми крышами и высокими изгородями, с разноцветными стеклами в окнах. Мне стало не по себе. Людей видно не было. Дома были до странности молчаливы — не так я представляла себе городскую суету. Ни детей на дорожках, ни стариков во дворах, никого. Кое-где на веревках сушилось влажное белье — если бы не оно да поднимавшийся кое-где из труб дым, я бы подумала, что город вымер.

Я ступила на узкую улочку, и изгороди сдавили меня с двух сторон, как тиски. Даже дышать было трудно — так не похоже на лес, где всегда дышалось легко. Из-за одного забора вдруг раздалось глухое рычание — я рефлекторно отпрыгнула в сторону и замерла, переводя дух... Но это была собака, только собака — я вспомнила о том, какими они бывают, еще до того, как увидела ее в щели между досок — грязную, кудлатую, в кожаном ошейнике на тощей шее.

— Ну-ну, — прошептала я, — я не враг, собака. Вовсе не враг...

Но она продолжала рычать на меня, пока я не миновала ее владения.

Запах людей возник неожиданно — и, едва появившись, заполнил ноздри.

Людей было много, очень много. Еще пахло луком, чем-то сладким — кажется, яблоками в сахаре — и железом, лошадиным потом, машинным маслом, воздушной кукурузой, тканями, специями, орехами, возбуждением, весельем, жадностью... Там, куда я шла, в центре городка, варилось пестрое ярмарочное варево.

Теперь я поняла, почему на окраине было так пустынно.

Голос тревоги стал громче, и в нем явно звучали нотки речитатива Никто.

«Это плохая идея, как ты не понимаешь? Подойти к кому-то одному, кому-то неопасному, с тем, чтобы, чуть что, снова скрыться в лесу, — еще куда ни шло, но... Они все увидят тебя разом, все, разозленные, страшные, и тебе некуда будет деться... Поверни назад, пока не поздно, маленькая пустая, и возвращайся домой».

Впервые, пусть в собственных мыслях, я назвала мрачную хижину Никто домом, и на душе стало смутно. Неужели мне так и придется всю жизнь провести в лесу, вдали от всего и всех? Если так, однажды я буду такой же, как Никто. Полубезумной. Мнительной. Странной.

Может, я уже такая и есть?

Эти мысли заставили меня против воли прибавить шагу. Запахи становились резче, а мерный гул — громче. А потом... Музыка!

Инструменты звенели и тонко плакали, гудели и гремели, и ноги сами собой пошли быстрее. Улица, по которой я брела, становилась все уже, а потом сделала крутой поворот и вывела меня на площадь — резко, как будто макнула в холодный прибор.

Лошади, оседланные и запряженные в повозки, пронзительно ржали, пара старых машин плевались паром и гудели, взволнованно кудахтали в своих клетушках куры...

Люди были повсюду. Я и подумать не могла, что их может собраться столько в одном месте. Они смеялись, галдели, покупали, продавали, говорили... А потом увидели меня.

Мне показалось, что тишина опустилась на площадь сразу — резко, как после дождя ложится на землю туман. Они будто одновременно умолкли, оставили свои дела и вытаращились на меня, разинув рты.

Конечно, они бросились в мою сторону не все разом — мне так только показалось с испугу... От толпы отделилось, должно быть, человек двадцать. Но из-за того, что они стояли плотно, и из-за того, что все они были высокие — взрослые, крепкие мужчины и женщины, — меня словно взяла в кольцо вся толпа. Целый город.

- Это пустышка!
- Пустая!
- Без тебя вижу.
- Откуда она взялась?
- Надо ее прогнать.
- В Борре пустым не место!
- Ты! Ты слышишь меня? Откуда ты взялась?
- Иди отсюда!

Впоследствии, думая о том дне, я вспоминала и другие голоса. Они звучали гораздо тише, и их было меньше — два или, может, три.

- Да оставьте вы ее...
- Совсем ведь девчонка.
- Глай говорил, если что, вести к нему. Что вы тут устраиваете?

Но в тот миг мое чутье — чутье загнанного зверя — подсказывало: эти голоса мне не помощники. Слишком тихие, слишком разрозненные. Громкую толпу, напиравшую со всех сторон, им было не перекричать.

- Я — Ленна, — прошептала я. — Я только хотела...

Конечно, меня никто не услышал. Глупо было думать, что имя защитит меня, сделает одной из них. Глупо было приходить сюда — теперь я поняла, что Никто был прав, прав все это время.

- Уберите ее отсюда!
- Она накличет беду!

— Пустышка!

— Пустышка!

Я зажала уши, но кто-то с силой схватил меня за руки.

— Она что, проклятие наводит?

— Пустышка, надмаг — все одно.

— Держи ее!

— Мы сейчас...

Я завизжала — так громко, что на миг даже самые высокие отпрянули.

— Довольно!

Человек, шедший сквозь толпу, был невысоким и полным, невзрачным с виду, но все расступались перед ним, как перед великаном. Одет он был в темно-синюю форму.

— Блюститель Глай... Тут, глядите...

— Я и сам вижу. — Теперь он стоял прямо передо мной. Я не решилась поднять на него взгляд — и смотрела только на черные сапоги. К правому прилип ком грязи.

— Иди за мной. А вы продолжайте... веселиться. Не на что здесь смотреть. И думать не о чем.

Я повиновалась — потому что ничего другого мне не оставалось, — но, следуя за блюстителем, слышала, как за моей спиной они продолжают говорить:

— Откуда эта пакость пришла?

— Со стороны леса.

— Сколько она там пряталась?

— Подумать только, значит, в любой момент могла...

— ...чтобы nepовaдно было...

У меня не было времени по-настоящему испугаться за Никто или за себя — потому что вскоре Глай привел меня к невысокому каменному дому с красной дверью. Внутри оказалось чисто и светло, но я почти ничего не запомнила из обстановки — только большой стол и стопки бумаг на нем.

Глай не предложил мне сесть. Устроившись в кресле, принялся расспрашивать меня — сухо, деловито. «Ты помнишь свое настоящее имя?» «Где именно ты пришла в себя?» «Когда это случилось?» «Где надмаг, который это сделал?»

Я не могла ответить ни на один из его вопросов — чего-то не знала, чем-то боялась навредить нам с Никто, — и Глай начал злиться. Я поняла это по запаху — внешне он ничем себя не выдал.

— Очень хорошо, — сказал он, наклоняясь над бумагами. — Раз не желаешь сотрудничать, будь по-твоему. Адрик!

В комнату зашел еще один человек в темно-синей форме — молодой, высокий. Увидев меня, он замер.

— Ну, что встал? — ворчливо спросил Глай. — Пустая не желает говорить по-хорошему. Придется пробовать по-плохому.

Адрик подошел ко мне — я успела заметить, что глаза у него светлые, не чета моим, — а потом пощечина оглушила меня, и я уже ничего больше не видела.

Он ударил меня еще несколько раз — не слишком больно, скорее унизительно. Почему-то мне казалось очень важным не расплакаться. Я держалась за мысль об этом изо всех сил — и не вымолвила ни слова уже не потому, что мне так хотелось что-то скрыть, а потому, что пощечины меня ошеломили.

— Ладно, брось это, — брезгливо сказал Глай, и все прекратилось так же внезапно, как и началось. — Она то ли дурочка, то ли и вправду совсем ничего не помнит.

Он что-то начеркал на листке, а потом кивнул Адрику:

— Уведи ее подальше из города... К тракту, например, отведи, к двум столбам. Нам здесь пустых не надо.

Адрик о чем-то спросил его — так тихо, что даже я не услышала, и Глай с досадой замотал головой:

— Ты в своем уме, парень? Просто оставь там, и все. Делай, как я сказал. Тот приказ, который Судья спустил... Если узнают про самосуд, будет плохо, а ее весь город видел.

Адрик снова заговорил, и на этот раз я расслышала: «Сразу к нему».

— Делать мне больше нечего — за свой счет ехать в Уондерсмин, — фыркнул старший блюститель. — Где столица и где мы? Недели пути ради пустой дуручки? Не смеши меня, парень. Я уже написал «убежала». Давай, живее.

Адрик схватил меня за локоть и выволок из дома.

— Идем. — Больше он ни слова мне не сказал — ни пока тащил через толпу, закрывая собой от взглядов любопытствующих, ни после, когда мы вышли за черту города. Мы шли, наверное, час, и пот стал заливать мне лицо, а Адрик даже не запыхался.

Наконец мы остановились — город остался далеко позади, а передо мной расстилась широкая дорога, у которой высились два каменных столба, испещренных надписями на незнакомом языке.

Только тогда Адрик наконец открыл рот:

— В Борр не возвращайся. А не то... — Не договорив, он развернулся и пошел в сторону домов, оставив меня одну.

У меня подкосились ноги. Я осела на землю у одного из столбов и некоторое время сидела, привалившись к нему и ощущая, как солнце обжигает кожу. Мыслей не было. Над головой, по синему-синему небу, проплывали длинные белые облака. Травинка щекотала локоть, но я не пошевелилась, чтобы ее убрать.

В себя я пришла, только когда большое темное облако закрыло солнце и стало холоднее. Тогда в моей голове впервые с момента, как блюститель оставил меня у столба одну, вспыхнула мысль — яркая, невыносимая.

Я встала на ноги, пошатываясь: все тело затекло. Но время терять было нельзя — и я заковыляла вперед, чувствуя, как по лицу катятся слезы.

Возвращаться через город я не решилась — огибала его по широкой дуге, по обочинам дорог. Теперь Никто не пришлось бы дважды просить меня избегать людей.

Я добралась до хижины, когда стемнело. Еще издалека почувствовала запах. Люди были здесь — много людей. Но теперь они ушли, и я вздохнула с облегчением. Никто — хитрый, умный, даже несмотря на свою голову.

Он почувствовал приближение людей заранее и успел спрятаться. Он наверняка дуется и от души помучает меня, чтобы доказать свою правоту, — и уж точно не выйдет из своего укрытия сразу.

Я осторожно обошла хижину, ожидая, что в ноздри ударит волна знакомого запаха и Никто выскочит из-за куста или полуразвалившейся изгороди, чтобы напугать меня.

Две новые доски выпали из ограды и лежали втоптаннные в грязь — еще пару недель назад мы с Никто с большим трудом вкопали их поглубже после того, как зимой они рухнули под грузом снега.

Помедлив, я вошла в хижину. Все в ней было перевернуто вверх дном. Ящик, на котором Никто любил сидеть по вечерам, был разломан на куски. Слякоти и мисочки, сброшенные со стола, превратились в груды осколков. Рядом валялись поникшие сухоцветы и затоптанные тряпки. Наши с Никто постели были опрокинуты, а Крылатая книга с ее чудесными рисунками, как и остальные книги, изорвана в клочки. Машинально я подобрала одну страницу. На ней оказалась изображена Ленна, обнимающая старуху. Поверх рисунка отпечатался грязный след сапога. Я как можно бережнее вытерла страницу, сложила вчетверо и, убрав ее в карман, на негнущихся ногах вышла из хижины. Теперь я уловила запах Никто, до сих пор перебиваемый смрадом ярости, и он повел меня в сторону моря.

Я шла через кусты, не различая дороги, перебиралась через черные валуны, поваленные деревья и горы гниющих водорослей, выброшенных на берег прибоем.

Неподалеку от дерева, рядом с которым я так любила читать, наткнулась на старый револьвер. От него пахло Никто — еще недавно он сжимал его крепко, вспотев от страха. Я понятия не имела, где он прятал его от меня все это время. В хижине я ни разу не видела оружия.

Судя по взрытому песку неподалеку, Никто споткнулся об корень и выронил револьвер из рук — а потом, должно быть, слишком торопился вернуться за ним.

Помедлив, я осторожно подняла револьвер, не зная, куда его лучше засунуть — за пояс или в карман. Мне казалось, он может выстрелить в любой момент. Он сам и мысль о том, чтобы пустить его в ход, пугали меня даже больше, чем подозрение, что преследователи Никто могут быть где-то рядом. И все же разбрасываться оружием не стоило.

След привел меня к кромке воды — и сначала я испугалась, что Никто могли бросить в воду, но от песка не пахло кровью — зато в воздухе я уловила слабый запах мокрой собачьей шерсти.

Вот как все было — во всяком случае, мне хотелось верить, что все случилось именно так: люди пришли с собаками и искали Никто. Он тихонько вышел из избушки, прихватив револьвер — свой самый большой секрет, последний аргумент, который скрывал даже от меня. Он уходил от них так тихо и ловко, что они ни за что не напали бы на его след, — но с ними были собаки. Или собака — может быть, как раз та, лающая за забором.

Никто услышал или учуял собаку и побежал быстрее — так он потерял револьвер. Он ушел по воде, чтобы сбить погоню со следа. Так он сбил со следа и меня — я долго ходила вдоль берега, но не уловила ничего, кроме запахов горькой морской воды, песка и водорослей.

Много часов я плакала на пустынном берегу, где о моем горе не узнал никто, кроме волн и чаек.

Еще несколько дней, вздрагивая от каждого шороха и держа револьвер под боком — я очень боялась, что люди придут снова, — я провела в нашей хижине, надеясь, что Никто вернется искать меня. Но он не вернулся. Потому что не смог, потому что не захотел? Неизвестно.

На исходе пятого дня мне пришлось признать: ждать его дольше бессмысленно.

Целый вечер я потратила на то, чтобы тщательно прибрать разгром, устроенный людьми. Никто наверняка не понравился бы, что я бросаю все в таком беспорядке.

На случай, если он все же вернется, я оставила в хижине записку, припасы, которые могли храниться дольше других, и страницу из Крылатой книги с изображением Ленны, испачканным сапогом. Кое-что из полезного, что осталось цело, я забрала с собой: синие стеклышки и мешочки с травами, несколько пузырьков и уцелевшие страницы книг, нож и револьвер, немного еды и одежды. Все это я сложила в старую сумку Никто, которую повесила на плечо. С тем и покинула тот берег и тот лес.